

*Л. А. Бобров (Новосибирск),
М. А. Анисимова (Санкт-Петербург)*

В КИТАЙ И ОБРАТНО. УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЖАЛОВАННОЙ САБЛИ КАЛМЫЦКОГО НОЙОНА БАМБАРА¹

В ФОНДАХ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится богато оформленная сабля, представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, военных историков и этнографов (ВИМАИВиВС 1ООФ 114-641) (ил. 1). На ее клинке имеется двуязычная надпись, позволяющая отнести рассматриваемую саблю к категории именного жалованного оружия².

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о сабле ВИМАИВиВС 1 ООФ 114-641. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции сабли, зафиксировать особенности ее декоративного оформления, проанализировать надпись на клинке, уточнить датировку, атрибуцию, а также некоторые особенности истории данного образца длинноклинкового оружия.

Описание, датировка и атрибуция сабли

Общая длина сабельной полосы (от верхнего края хвостовика до острия) – 85 см (в том числе длина клинка – 78 см). Вес без гарды – 552,7 г, с гардой – 600,1 г (см. ил. 1, 1–4).

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к остроугольным клинкам со средним изгибом³. Удлиненно-треугольный в сечении клинок изготовлен из

Ил. 1. Сабля нойона Бамбара: 1, 2 – клинок и хвостовик; 3, 4 – общий вид; 5, 6 – надписи на клинке; 7, 8 – острие

стали (ил. 1, 5, 6), пята не выражена, боевой конец – обоюдо-острый (длина заточенной части обуха с учетом фальшлезвия – 20,4 см) (ил. 1, 7, 8). Ширина клинка у гарды, в центральной части клинка и в 20,5 см от острия: 3,5 см, 2,9 см, 2,4 см соответственно. Толщина клинка в тех же местах: 4,0 мм, 4,0 мм, 3,0 мм. Отметим, что плавный изгиб сабельной полосы начинается уже в верхней трети клинка, т. е. почти непосредственно под гардой. Поверхность клинка преимущественно матовая с синеватым отливом, имеет каверны и следы коррозии. На лезвии фиксируются незначительные повреждения.

С внешней (лицевой) стороны клинка⁴ золотом насечена надпись на русском языке: «По указу Ея Императорскаго Величества Пожалована Сія Сабля Калмыцкому Владелцу Бамбару За разбитіе Киргисъ Касацкой Партіи Приходившей Для Нападенія на калмыцккіе Улусы 1762 года» (ил. 1, 6).

На противоположной стороне клинка, в той же технике золотой насечки, нанесена надпись, ошибочно атрибутированная в начале XX в. как «маньчжурская» или «китайская» (рис. 1, 5). В действительности, она выполнена на тодо-бичиг (монг. *Тодо бичиг*)⁵ – письменности, созданной в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой (ок. 1599–1662). Со второй половины XVII в. «ясное письмо» тодо-бичиг получило широкое распространение среди монгольского и, особенно, ойратского населения Евразии, в том числе и у волжских калмыков. Надпись может быть переведена следующим образом: «Вручается калмыцкому нойону Бамбару за то, что он во главе калмыцкого войска разбил казахов. Год обезьяны (1764 г.)»⁶. Интересно, что текст на тодо-бичиг несколько отличается от русскоязычной надписи. Так, например, в нем отсутствует ссылка на указ императрицы, а также информация о казахском набеге, ставшем причиной сражения.

Сабельная полоса снабжена ярко выраженными остроугольными «плечиками». Сходясь под прямым углом, они образуют узкий хвостовик удлинено-трапециевидной формы, отогнутый в сторону лезвия (ил. 1, 1, 2). Общая длина хвостовика – 7 см. Ширина хвостовика в нижней части – 1,9 см, в центральной части – 1,5 см, в верхней части – 0,6 мм. Толщина хвостовика – 4 мм, 3 мм, 1 мм соответственно. В плоскости хвостовика пробиты три округлых отверстия диаметром около 4 мм. Два из них расположены в центральной, а одно – в верхней части хвостовика.

Наиболее вероятно, что в отверстия вставлялись заклепки, соединявшие хвостовик и «щечки» рукояти (см. ниже).

В комплект с сабельной полосой входит позолоченная гарда крестообразной формы, выполненная из медного сплава (ил. 2, 1–5). Длина крестовины – 7 см, длина ассиметричного перекрестья, снабженного продольным ребром жесткости – 4,6 см. Толщина гарды по центру – 2,5 см, по краям (перед головками гарды) – 0,6–0,7 см. Прямые стержни крестовины заканчиваются округлыми уплощенными («таблетковидными») головками. Диаметр последних – 2 см, толщина – 0,7 см. Концы перекрестья украшены треугольными выпуклостями. Вес гарды – 47,4 г.

Следует обратить внимание, что, согласно описи Н. Е. Бранденбурга, в начале XX в. сабля имела «эфесь безъ дужки, въ медной оправе, усыпанный камнями». Дошедшая до нашего времени гарда действительно не имеет D-образной дужки и выполнена из медного сплава, однако какие-либо камни на ней отсутствуют. Не исключено, что ими была украшена рукоять и (или) ее навершие, которые не сохранились до настоящего времени.⁷

Наиболее вероятно, что рукоять была утрачена во время эвакуации музейного имущества в Ярославль в 1917–1923 гг. Известно, что практически все предметы возвращались из эвакуации с различными повреждениями, вызванными неподобающими условиями хранения. В пользу данной версии свидетельствует пометка на полях музейной описи рядом с описанием сабли, выполненной Н. Е. Бранденбургом: «Возвращена из г. Ярославля осенью 1923 г., повреждения III категории»⁸.

Согласно той же описи начала XX в. сабля имела ножны «...деревянные, обтянутые кожей, с медным приборомъ и обрывками современной кожаной портупей с бляшками медными»⁹. К сожалению, ножны также не сохранились.

Особенности конструкции сабельной полосы и гарды позволяют отнести рассматриваемый образец длинноклинкового оружия к особому типу сабель, известных как «ордынки» или «чечуги» (ил. 3). Именно для них было характерно сочетание слабо- или среднеизогнутого, плавно сужающегося к острию клинка (длинной 72–86 см, при ширине 2,9–3,5 см) с полуторной заточкой, хвостовика с тремя отверстиями для заклепок и характерной крестообразной гарды из медного сплава с короткими стержнями крестовины и граненым перекрестьем¹⁰.

Ил. 2. Гарда сабли и портрет нойона Бамбара:
1–5 – гарда сабли; 6 – портрет нойона Бамбара в костюме цинского сановника, неизвестный художник, около 1771 г.

Ил. 3. Сабли-чечуги XVII–XVIII вв.: 1, 2, 4 – ГИМ [по: Аствацатурян, 2002]; 3, 5 – Ливрусткаммарен, г. Стокгольм [по: Rivkin, 2015]

Начальные этапы эволюции сабель данного типа, по всей видимости, связаны с территорией Северо-Западного Кавказа¹¹. В XVII–XVIII вв. они применялись на территории Российского государства, Речи Посполитой, Османской империи и других государств региона. Большой популярностью они пользовались у населения Крымского ханства, а также его оседлых и кочевых соседей. В их числе были и волжские калмыки, переселившиеся в Северный Прикаспий из Центральной Азии в первой половине XVII в. и достаточно быстро усвоившие многие элементы

оружейного комплекса своих новых соседей. В числе заимствованных предметов вооружения были и сабли-*чечуги*, которые калмыки приобретали у крымских татар, ногайцев, адыгов, а также захватывали в качестве военных трофеев. Среди владельцев подобных сабель были и представители калмыцкой правящей верхушки. Характерно, в данной связи, что именно *чечуга* восточноевропейского или северокавказского производства была преподнесена в дар калмыцкими аристократами (в числе прочих элитных образцов длинноклинкового оружия) цинскому императору Цяньлуну во второй половине XVIII в.¹²

Весьма вероятно, что при выборе жалованного длинноклинкового оружия, предназначенного для передачи представителю высшей калмыцкой знати (см. ниже), российские чиновники руководствовались, в том числе, и предпочтениями самих ойратских феодалов. Поэтому тот факт, что для вручения *нойону* Бамбару в качестве жалованной сабли была определена именно *чечуга*, вряд ли можно считать случайностью.

От большинства известных сабель указанного типа рассматриваемый образец из ВИМАИВиВС отличается отогнутым к лезвию хвостовиком и некоторыми деталями оформления гарды. Так, несколько гипертрофированно переданы «таблетковидные» головки крестовины, а традиционные для *чечуг* скосы на концах перекрестья визуально усилены треугольными выпуклостями. Ближайшим аналогом данной гарды является гарда сабли-*чечуги*, датированной XVII в., из собрания Государственного исторического музея (ГИМ). Она также выполнена из медного сплава, концы крестовины увенчаны «таблетковидными» головками, а ассиметричное перекрестье снабжено продольным ребром жесткости (ил. 3, 2)¹³. Благодаря тому, что сабля из ГИМ полностью сохранила рукоять, а значит и оригинальное расположение гарды, можно предполагать, что и гарда из ВИМАИВиВС располагалась аналогичным образом – длинной стороной крестовины в сторону клинка (рис. 2, 1, 2; 3, 2).

Не вызывает особых сомнений, что золотая надпись на клинке была насечена российским ювелиром или иностранцем на русской службе. Что касается самой сабельной полосы и гарды, то они могли быть изготовлены как ремесленниками Восточной Европы и Северного Кавказа, так и российскими мастерами по образцу оружия указанных регионов. Данный вопрос требует дополнительного изучения¹⁴.

Отнесение рассматриваемой сабли к группе *чечуг* позволяет высказать предположения относительно некоторых особенностей конструкции и оформления элементов эфеса и ножен, которые не дошли до нашего времени. В подавляющем большинстве случаев рукояти *чечуг* снабжались металлическим навершием наперстковидной формы, отогнутым под тупым углом в сторону лезвия. К хвостовику с помощью трех заклепок крепились деревянные щечки, которые часто обтягивались кожей ската (ил. 3). Ее рельефная («пупырчатая») поверхность улучшала сцепление рукояти с кистью воина. Прибор ножен (как и в рассматриваемом случае) часто выполнялся из медного сплава. При этом снабженные кольцами для ремней портупей обоймицы обычно дополнялись характерными «крылышками», придававшими всей конструкции Т-образную форму (ил. 3, 1–3). Весьма вероятно, что схожим образом могла быть оформлена и сабля из собрания ВИМАИВиВС.

Обстоятельства передачи сабли нойону Бамбару

Прежде чем перейти к изучению причин и обстоятельств нанесения надписи на клинок сабли из собрания ВИМАИВиВС, необходимо кратко охарактеризовать место нойона Бамбара (ил. 2, б) и его семьи в калмыцком обществе XVIII в.

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., далеко не случайно именуется в научной литературе «эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». В это время ареал военной активности ойратов (западных монголов) включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. Восточные ойраты (джунгары) подчинили своей власти территорию Юго-Восточного Казахстана, Восточного Туркестана и значительную часть Южной Сибири. В свою очередь западные ойраты (волжские калмыки) сокрушили Большую Ногайскую Орду, частично подчинив, частично изгнав местное тюркское население. Ядром новых калмыцких владений стали земли Северного Прикаспия. Со временем волжские калмыки приняли российское подданство и стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. калмыцкие

отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Украины, Польши, в причерноморских степях, на Кубани, Северном Кавказе, в Западном Казахстане. Калмыцкая конница приняла активное участие в войнах России против Речи Посполитой, Османской империи, Швеции, Пруссии, а также в подавлении восстаний Степана Разина, Кондратия Булавина и др.¹⁵

Род нойона Бамбара (?–1774) относился к высшей аристократии калмыков-торгутов, традиционно занимавших привилегированное положение в Калмыцком ханстве. Торгутские правители возводили свою родословную к знаменитому керейтскому Ван-хану (?–1203) выступавшему сначала в качестве покровителя, а затем противника Чингиз-хана. Сам нойон Бамбар являлся потомком одного из самых могущественных калмыцких правителей – тайши Дайчина (годы правления – 1644–1661) с именем которого были связаны начальные этапы вовлечения волжских калмыков в политическую орбиту Российского государства. Дед Бамбара – Доржи Назаров (?–1735) являлся одним из самых влиятельных калмыцких князей и, после смерти хана Аюки в 1723 г., всерьез рассматривался российскими властями в качестве основного претендента на ханский престол.

Могущество Бамбара и его предков базировалось не только на их высоком происхождении и личной доблести, но и на богатых пастбищных угодьях волжского левобережья и многочисленном зависимом населении. Согласно росписи генерал-лейтенанта И. Ф. Барятинского, в 1733 г. табун-отоковые улусы Доржи Назарова и его детей насчитывали 10 000 кибиток, что позволяло выставить в поле многотысячные кавалерийские соединения¹⁶.

Обширные наследственные владения семьи Бамбара находились в Волго-Яицком (Уральском) междуречье – на восточных границах Калмыкии. Из поколения в поколение предки Бамбара выполняли роль «Хранителей Востока», защищая основные калмыцкие кочевья в Северном Прикаспии от набегов воинственных тюркских номадов – казахов и каракалпаков.

Пик калмыцко-казахского военного противостояния пришелся на середину 20-х гг. XVIII в. В боях с казахами калмыки пытались опереться на помощь российских властей, однако низкая мобильность регулярных войск и артиллерии часто не позволяла эффективно задействовать их в боях с кочевниками на степном театре боевых действий. В большинстве случаев калмыкам приходилось

полагаться на собственные силы. Зная о том, что калмыцкая конница сильна мощным копейным ударом, казахские воины предпочитали вести бой от обороны. Спешившись и укрывшись за спинами стреноженных лошадей и верблюдов, положенных в круг, они открывали интенсивный ружейный огонь, останавливавший кавалерийскую атаку противника. Однако дед Бамбара Доржи Назаров научился бороться с такими «живыми крепостями» с помощью легких пушек, перевозившихся на верблюдах. В Узенинской битве 1724 г. он с помощью «верблюжьей артиллерии» наголову разгромил казахо-каракалпацко-башкирский отряд батыра Исета и преподнес в качестве «презента» астраханскому губернатору 415 правых ушей отрезанных, согласно старой монгольской традиции, у убитых вражеских воинов¹⁷. Еще более масштабные столкновения между казахами и калмыками состоялись осенью 1726 г. Современник событий В. М. Бакунин утверждал, что в них приняли участие около 10 тыс. казахов Среднего и Младшего жузов и объединенная армия калмыцких *нойонов*, насчитывавшая 20 тыс. воинов¹⁸.

В 1731 г. хан Младшего жуза Абулхаир принял российское подданство, положив начало вхождению Казахстана в состав Российской империи. Однако интенсивность военных конфликтов калмыков и казахов снизилась далеко не сразу. Противники продолжали периодически обмениваться ударами. Боевые столкновения нередко провоцировались взаимным отгоном скота, борьбой за пастбища и зависимое степное население. Российские власти пытались пресекать *барымту* и набеги, но повлиять на номадов могли не всегда. В большинстве случаев местная администрация вставала на сторону тех, кто в данной конкретной ситуации соблюдал (пусть и формально) действующее имперское законодательство.

Очередной калмыцко-казахских конфликт разразился в начале 60-х гг. XVIII в. Причины, ход и результаты данного военного конфликта были подробно разобраны нами в специальной работе¹⁹, поэтому в настоящей статье ограничимся лишь его кратким описанием.

В начале 1760 г. отряд нойонов Цэрэна (пришедшего к калмыкам из разгромленной цинскими войсками Джунгарии) и Намчюна «с семью военными значками» атаковал становище казахских пастухов в урочище у р. Камыш-Самары²⁰. По данным казахской стороны, было отогнано около 40 тыс. лошадей,

кроме того, «...находившихся при тех лошадях людей [калмыки] побили»²¹.

Несмотря на то, что нападение совершили именно калмыцкие «владетели», они действовали в рамках имперского законодательства, так как еще в сентябре 1756 г. царское правительство запретило казахам в зимнее время переходить Яик и кочевать в Волжско-Яицком междуречье, где выпасали скот калмыки. Форсировав реку, казахские пастухи нарушили предписание центральных властей и дали формальный повод для совершения нападения со стороны калмыков. Получалось, что казахи не только лишились огромных табунов, но и оказались в положении виновной стороны.

Потеря колоссального количества коней вызвала ярость казахской родоплеменной знати. Начался сбор войск для вторжения в калмыцкие владения. Хан Младшего жуза Нуралы (годы правления: 1748–1786) занимал двоякую позицию. С одной стороны, он опасался испортить отношения с Санкт-Петербургом и калмыцкими соседями, с другой стороны, не имел реальных рычагов для предотвращения набега. В результате Нуралы попытался усидеть на двух стульях одновременно. Он начал информировать российские и калмыцкие власти о подготовке казахского вторжения и публично отговаривал своих подданных от начала боевых действий. Однако на сборный пункт казахских войск прибыл зять Нуралы и будущий хивинский хан султан Младшего жуза Джахангир (? – 1814). Это позволяет предположить, что Нуралы тайно поддерживал барымтачей. В случае успеха набега хан мог рассчитывать на долю военной добычи. Поражение «воровских» казахов также была на руку хану, так как давало шанс ослабить нелояльную ему родоплеменную знать. Подобная расчетливость была в характере Нуралы. Через десять лет после описываемых событий, во времена восстания Емельяна Пугачева, он так же будет вести двойную игру, обещая свою поддержку как самозванцу, так и Екатерине II.

Зимой 1761–1762 гг. напряжение в регионе достигло своего апогея. Возмущенные казахские старшины и батыры ждали лишь удобного момента для нанесения удара по своим обидчикам на западном берегу Яика.

Современники расходятся в оценке численности казахского отряда, принявшего участие в походе. Один из казахских пленных утверждал, что для набега собралось от тысячи до четырех

тысяч степняков. Сам хан Нуралы в письме от 3 марта 1762 г. уверял императора Петра III, что казахи «...которые наставления моего не послушали и воровски в подданную в.и.в. Калмыцкую орду для злодейства пошли... *коих плутов, как слышно, только с восьмьсот человек ходили*, а протчие все, не желая худого, находятся в.и.в. в верности...»²². Но даже если отряд казахов действительно насчитывал лишь 800 воинов, он все равно был больше ополчения батыра Исета, разбитого Доржи Назаровым в Узенинской битве в 1724 г., которая считалась (по меркам региона) достаточно крупным боевым столкновением²³.

План барымтачей строился на внезапности нападения. Однако калмыки вовремя получили информацию о набеге. Вместо мирных улусов казахов поджидала сеть из больших и малых караулов, за спиной которых разворачивались основные калмыцкие силы.

Войска противников неуклонно сближались. Исход набега решил бой, состоявшийся 17 февраля 1762 г. Казахский отряд первоначально атаковал калмыцкий караул, а вечером того же дня обрушился и на главные силы Бамбара (1400–1500 чел.). Упорный бой продолжался «до померчения вечерней зори». Вероятно, именно в это время и произошла упомянутая участниками битвы ожесточенная ружейная перестрелка, в ходе которой «касаки напав на них калмык начали стрелять из ружей напротив коих и они калмыки стреляли ж». Воинам Бамбара удалось отбить атаку казахов, перехватить инициативу и вынудить *барымтачей* начать отступление²⁴.

Согласно сообщению современника битвы И.-Г. Георги, посетившего Поволжье в начале 70-х гг. XVIII в., тактическое искусство калмыков рассматриваемого периода основывалось на сочетании действий ружейных стрелков и лучников с атакой конных копейщиков: «Всякий полк состоял из трояких воинов, а именно: из Стрельцов, которые сходили с лошадей, когда палили из ружей; из Луконосцов, которые, столпясь, пускали тучею стрелы, и из Копейщиков, решавших битву. Они нарочито храбры, и одерживают победы над подобными им неприятелями...»²⁵.

Не исключено, что и февральское сражение 1762 г. также завершилось атакой калмыцкой копейной конницы, которая преследовала отступающих *барымтачей*. Во всяком случае, захваченный в плен казах Ақтамберды Жұлдусов был сбит с коня калмыком Доржой Гендыршиевым, действовавшим «дротиком»,

под которым в данном случае следует понимать кавалерийскую пику: «...при том сражении из... калмык Доржа Гендыршиев... касаченина набезав²⁶ ударил дротиком и потрафил в спину в сторону, от чего под ним (казахом. – Л. Б., М. А.) лошадь споткнулась и он касаченин с лошади упал где он и пойман и отвезен в их [калмыцкие] улусы...»²⁷.

Во время дистанционного ружейного боя и возможной последующей атаки калмыцкой конницы казахи понесли существенные потери. По калмыцким данным, на этом этапе сражения было убито 140 и взято в плен 43 казахских воина (то есть около 20 % личного состава отряда *барымтачей*).

Несмотря на темное время суток, калмыцкая конница начала интенсивное преследование отступающих казахов, которое продолжалось до самого утра. Причем один из отрядов Бамбара дошел до урочища Хурхуй, а второй почти до предместий Гурьева. Во время преследования, по калмыцким данным, было убито еще 66 казахских воинов²⁸.

Февральское сражение 1762 г. стало не только важным событием в истории калмыцко-казахских отношений, но и было замечено в Санкт-Петербурге. Летом того же года в столице произошел дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Екатерина II (годы правления – 1762–1796). Новая императрица остро нуждалась в поддержке правящего класса, поэтому щедрой рукой раздавала награды и пожалования как российскому дворянству, так и представителям национальных элит. В этих обстоятельствах победа нойона Бамбара пришлась как нельзя кстати. В письмах как представителей местной российской администрации, так и калмыцкой знати, и даже хана Нуралы решительные действия Бамбара по пресечению набега казахов выглядели законными и уместными. Продолжая традицию, заложенную еще в первой половине XVIII в., Екатерина II решила наградить победоносного нойона именной жалованной саблей. Данный шаг должен был продемонстрировать степной аристократии, что поддержание мира и законной власти продолжает оставаться важнейшим приоритетом империи. Будущая великая правительница даже не подозревала, что не пройдет и десяти лет, как обласканный ею калмыцкий «владелец» обнажит жалованную саблю, но уже против подданных Российской империи.

В конце 60 – начале 70-х гг. XVIII в. калмыцкое общество переживало глубокий социально-политический кризис,

в результате которого большая часть калмыцкой знати во главе с ханом Убаши (годы правления – 1761–1774) приняла решение покинуть Российскую империю и откочевать в Центральную Азию. Активным сторонником переселения был и нойон Бамбар²⁹.

В январе 1771 г. огромные массы калмыков волжского левобережья хлынули на восток. В авангарде «Последнего Великого кочевья» шла десятипятитысячная конница Цэрэна и Бамбара, причем последний, как показали дальнейшие события, прихватил с собой и жалованную саблю Екатерины II. Жертвой нападения взбунтовавшихся калмыков стали как яицкие казаки, так и кочевья казахов хана Нуралы³⁰.

Калмыки сумели оторваться от преследовавших их имперских отрядов, но стали объектом ожесточенных атак казахов Младшего и Среднего жузов, а затем и тянь-шаньских киргизов. В ходе откочевки погибли многие представители калмыцкой аристократии. Ценой огромных потерь калмыкам удалось прорваться к р. Или, где их встретили передовые караулы Цинской империи. Осознав невозможность создания нового ойратского государства на территории бывшей Джунгарии, калмыцкая знать приняла решение присягнуть цинскому императору.

В том же 1771 г. хан Убаши и калмыцкие нойоны были приглашены в императорскую резиденцию в Жэхэ (пров. Чжили), где удостоились высочайшей аудиенции. В ходе нее Убаши и другие калмыцкие владетели преподнесли императору Цяньлуну богато оформленные палаши, сабли и кинжалы, украшенные золотой насечкой и драгоценными камнями³¹.

Не исключено, что в числе прочих свою жалованную саблю передал Цяньлуну и нойон Бамбар. Дальнейшее исследование цинской документации, возможно, позволит прояснить данный вопрос. Так или иначе, но сабля, подаренная Бамбару Екатериной II, оказалась на территории Цинской империи.

Цяньлун наградил представителей калмыцкой знати маньчжурскими феодальными титулами, почетными званиями и землями. В частности, Бамбару был пожалован высокий титул *цзюньвана*³² и почетное звание «Биширэлту», то есть «Благословенный»³³. Придворный художник выполнил портрет торгутского нойона (ил. 2, б). На нем Бамбар изображен суровым бывалым воином с густыми вислыми усами до подбородка

и золотой серьгой с жемчужиной в левом ухе. Вместо традиционного калмыцкого костюма он облачен в цинскую церемониальную одежду, соответствующую его новому статусу.

При расселении прибывших калмыков Бамбар и его племянник Кибдэн получили часть земель, ранее принадлежавших джунгарам. Так, им были переданы кочевья в Урумчинском округе на р. Чжиргалан (Джергалан) на юго-западе от г. Кур-кара-усу (кит. Цинсуйчэн).

Нойон Бамбар скончался в 1774 г.³⁴ После его смерти сабля с именем российской императрицы Екатерины II еще более столетия находилась на территории Поднебесной. Обстоятельства и место обнаружения сабли российскими офицерами в начале XX в. в настоящее время не установлены. Однако, из текста описи известно, что она была «изъята во время Китайской войны 1900–1901 г.г.», то есть в ходе подавления Ихэтуаньского («Боксерского») восстания, в рамках которого российские войска (наряду с армиями семи других стран) были введены на территорию Цинской империи и в 1900 г. вошли в Пекин. Скорее всего, российских военнослужащих привлекла надпись на русском языке, нанесенная золотом на поверхность клинка, что и послужило главной причиной «изъятия» оружия. Первоначально сабля была передана в Квантунскую крепостную артиллерию в Порт-Артуре, откуда в 1903 г. была отправлена в Санкт-Петербург, вместе с другими трофеями.

Таким образом, за 140 лет своей истории жалованная сабля успела побывать в Санкт-Петербурге, Поволжье, Казахской степи, Синьцзяне, Восточном Китае и из Порт-Артура была отправлена обратно в Санкт-Петербург. Эта удивительная история одного образца длинноклинка оружия наглядно иллюстрирует великую и трагическую историю степных народов эпохи «Последнего Великого кочевья».

Заключение

На основании анализа конструкции и системы оформления клинка, хвостовика и гарды выдвинуто предположение, что рассматриваемый образец длинноклинка оружия относится к группе сабель-*чечуз* («ордынок»), пользовавшихся значительной популярностью среди кочевого населения Восточной Европы эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Рукоять и ножны сабли, к сожалению, не сохранились, однако известно, что рукоять была украшена драгоценными камнями, ножны были изготовлены из дерева, обтянуты кожей и снабжены прибором из медного сплава.

На клинок нанесена двуязычная надпись, указывающая на то, что оружие относилось к числу жалованных именных сабель. Оно предназначалось для вручения калмыцкому нойону Бамбару, одержавшему победу над взбунтовавшимися казахами в 1762 г. Опровергнуто бытовавшее в историографии мнение о том, что надпись на левой стороне клинка выполнена на китайском или маньчжурском языке. В действительности текст передан на тодо-бичиг (монг. *Тодо бичиг*) – письменности, созданной в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем буддийским монахом Зая-Пандитой. Текст на тодо-бичиг, с некоторыми нюансами, повторяет русскоязычную надпись на правой стороне клинка. Обе надписи выполнены в технике золотой насечки придворными ювелирами Российской империи.

Анализ архивных материалов позволил изучить обстоятельства сражения калмыков и казахов 17 февраля 1762 г., по итогам которого Екатерина II решила наградить нойона Бамбара жалованной саблей.

В 1771 г. большая часть калмыков во главе с ханом Убаши покинула степи Северного Прикаспия и двинулась на восток, рассчитывая поселиться на территории бывшей Джунгарии, разгромленной цинскими войсками в середине 50-х гг. XVIII в. В авангарде «Последнего великого кочевья» шли отряды нойона Бамбара, который, как показали последующие события, захватил с собой и жалованную саблю. Выжившие в ходе «Торгутского побега» калмыцкие владетели были приняты императором Цяньлуном. Правитель Поднебесной пожаловал им титулы и земли. В свою очередь, хан Убаши и его нойоны преподнесли императору многочисленные подарки, в число которых были включены и богато украшенные сабли. Весьма вероятно, что среди них находилась и жалованная сабля нойона Бамбара. Так или иначе, но рассматриваемое оружие оказалось в цинских арсеналах. Во время подавления Ихэтуаньского восстания российские офицеры обратили внимание на две сабли, клинки которых были украшены золотыми надписями на русском языке. В результате жалованные сабли хана Убаши и нойона Бамбара были переданы представителям командования Квантунской крепостной

артиллерии, а оттуда в 1903 г. отправлены в Артиллерийский исторический музей.

Таким образом, вместе со своими хранителями и владельцами рассматриваемая сабля проделала удивительное путешествие по Евразии, масштаб которого даже сейчас поражает воображение. На первом этапе вместе с посланниками Екатерины II она пересекла всю европейскую Россию с севера на юг – от столичного Санкт-Петербурга до равнин Северного Прикаспия. На втором этапе вооруженный этой саблей нойон Бамбар пробился через всю казахскую степь с запада на восток – от берегов Эмбы до полноводной Или. Позднее сабля пересекла всю Цинскую империю от западных границ Синьцзяна до Желтого моря. И наконец, из Порт-Артура была доставлена обратно в Санкт-Петербург.

В завершение отметим, что рассмотренная в настоящей работе сабля имеет значительную научную ценность. Она представляет собой один из немногочисленных дошедших до нашего времени образцов именного жалованного оружия калмыцких правителей, а ее история делает саблю уникальной реликвией российско-калмыцких и калмыцко-цинских отношений XVIII в.

---

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² Бобров Л. А., Новоселов В. Р. Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 95.

³ Изгиб клинка (по методу А. Н. Кулинского) – 4,5 см (согласно указанному методу, изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка со стороны лезвия до кончика острия).

⁴ Под внешней (лицевой, правой) стороной сабли, клинка / полосы, рукояти, ножен понимается сторона, обращенная к зрителю в тот момент, когда сабля находится в ножнах на поясе воина. Противоположная сторона сабли и ножен именуется, соответственно, внутренней, тыльной, левой.

⁵ Досл. «Ясное письмо».

⁶ Перевод выполнен Б. В. Меняевым – специалистом Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве». Авторы выражают благодарность Б. В. Меняеву за помощь в переводе надписи.

⁷ Это косвенно подтверждается сведениями «Известий императорской археологической комиссии» за 1904 г., согласно которым сабля была снабжена «...рукояткою, сплошь усеянную драгоценными камнями». См.: Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 9-му. СПб: Типография В. Безобразова и Комп, 1904. С. 32.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Ед. хр. 7 (Опись Артиллерийского музея. Ч. IV. 1882. Л. 13 об.–14).

⁹ Там же.

¹⁰ Gutowski J. Bron I uzbrojenie tatarow. Katalog zabytkow tatarskich [Weapons and equipment of the Tatars. Catalog of Tatar monuments]. Tom I. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 1997, s. 120–125; Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. С. 102; Квасневич В. Польские сабли. СПб.: Атлант, 2005. С. 33–36; Заблоцкий В. Сабли мира. М.: АСТ, 2014. С. 196, 197; Rivkin K. Arms and Armor of Caucasus. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2015. P. 169; Квасневич В. Лексикон холодного и метательного оружия. СПб.: Атлант, 2012. С. 165–167; Rivkin K., Isaac B. A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017. P. 105; Курмановский В. С. К вопросу о происхождении сабель «ордынок» // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Вып. 1. М.: БуксМАрт, 2018. С. 30–33.

¹¹ Курмановский В. С. Указ, соч. С. 30–39.

¹² Armaments and Military Provisions. The Complete Kollektion of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008, P. 142, fig. 146.

¹³ Схожей по форме гардой из медного сплава снабжена также сабля-чечуга из Государственного исторического музея им. Яворницкого в г. Днепропетровске. См.: Прокопенко В. М. Сабли-чечуги [Электронный ресурс]. Рис. 6. URL: https://kitabhona.org.ua/libwar_armor/checuga.html (дата обращения: 12.10.2021).

¹⁴ Практика выдачи жалованных сабель правителям кочевников приобрела массовый характер в 30–40-х гг. XVIII в. Первоначально для этой цели использовались сабли и сабельные полосы, хранившиеся с XVII в. в Оружейной палате, однако их запас быстро истощился. Впоследствии закупка жалованных сабель осуществлялась через Коллегию иностранных дел, а после воцарения Екатерины II широкое распространение получает практика использования старинных клинков из Императорской Рюст-Камеры, которые дополнялись новыми эфесами и ножнами. Надписи на клинках жалованных сабель в этот период наносились мастерами-ювелирами Алмазной мастерской. См.: Бобров Л. А., Новоселов В. Р. Указ, соч. С. 95.

¹⁵ Тепкеев В. Т. 1) Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. С. 343–346; 2) Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. С. 195–218.

¹⁶ Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. С. 124; Бобров Л. А. Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань. № 2, 2013. С. 11.

¹⁷ Бобров Л. А. Узенинская битва. С. 12–15.

¹⁸ Бақунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 58, 59.

¹⁹ Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Жалованная сабля калмыцкого нойона Бамбара из собрания ВИМАИВиВС // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. № 5: Археология и этнография (в печати).

²⁰ Камыш-Самара – правый приток р. Яика (Урала).

²¹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в двух томах. Т. 2. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. С. 103, 104.

²² Там же. С. 122.

²³ Бобров Л. А. Узенинская битва. С. 9, 15.

²⁴ Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Указ. соч.

²⁵ Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть четвертая: о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, так же История о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799, С. 9.

²⁶ Т. е. догнав.

²⁷ Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Указ. соч.

²⁸ Там же.

²⁹ Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 171–176, 177.

³⁰ Там же. С. 198–201, 203.

³¹ Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Указ. соч.

³² *Цзюньван* – принц крови второй степени. Третий по значимости титул Цинской империи. Выше цзюньванов находились лишь сам император и принцы крови первой степени (*циньваны*).

³³ Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. С. 90.

³⁴ Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 227.